

to which parents chose groom or bride for their children are analyzed in this paper. Information about upbringing of children in conditions of that time is given. Rights of native and non-native children are compared. Procedure of adoption is shown in this article. Traditional ceremony for holding friendship is investigated.

Keywords: Vikings, family, marriage, upbringing of children, friendship, traditions.

* * *

УДК 94(4):340.134(=411.16)«3/5»

Стебеляк О. В.,
студентка исторического факультета, Одесский
национальный университет им. И. И. Мечникова
(Украина, Одесса), olgastblk@gmail.com

ЕВРЕИ И ИУДАИЗМ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЮСТИНИАНА

Исследуется роль законодательства Юстиниана в установлении модели новых взаимоотношений между еврейской общиной и государством. Автор делает попытку проследить эволюцию правового статуса евреев в римском законодательстве на основании сохранившихся законодательных памятников. Изучение законодательных источников не дает возможности установить уровень исполнения постановлений Юстиниана, но позволяет определить место, отведенное императором для религии евреев в общей градации различных сект и вероучений. В исследовании установлены принципиально новые элементы в законодательстве Юстиниана относительно иудаизма, а также констатируется, что законодательство императора относительно евреев и их религии в своем большинстве было повторением постановлений предыдущего периода.

Ключевые слова: Юстиниан I, римское право, Corpus juris civilis, антиеврейское законодательство, религиозная политика, евреи, иудаизм.

(статья друкується мовою оригіналу)

Годы правления одного из наиболее выдающихся императоров ранневизантийского государства Флавия Петра Савватия Юстиниана (527–565) выделяются внедрением принципиально новой политики во всех сферах жизни империи. Однако исключительная страсть императора к церковным делам закрепила внимание к вопросам религии в качестве одного из определяющих атрибутов его правления. Юстиниан рассматривал империю и церковь как единое формирование универсалистского характера, в котором император, как глава обоих институтов, выполнял функцию представителя Бога на земле. Такой подход трансформировал религиозную нетерпимость в государственную доктрину и сказался при пересмотре проблем евреев и иудаизма в законодательстве.

Уже в первый год своего правления Юстиниан утвердил принцип, нетипичный для всего предыдущего законодательства. Он отнес к категории еретиков все неортодоксальное население империи и поставил знак равенства между социально-политическим статусом человека и его религиозной принадлежностью¹. Несмотря на то, что иудаизм оставался *religio licita*

¹ «... (ибо мы называем еретиками всех тех, кто не предан Кафолической Церкви, Правоверию и святой Вере)... Поэтому мы приказываем, чтобы никто из вышеупомянутых [не православных христиан – О. С.] не занимал никакой почетной должности вообще, (и) не препоясывал себя для служения, ни гражданского, ни военного, и не удерживал никакой должности, за исключением [службы – О. С.] так называемых когорталов (мы хотим, чтобы они [еретики – О. С.] были подчинены, чтобы они оставались в этом [подчиненном положении – О. С.], исполняя все обязанности под принуждением, подчиняясь всему бремени, которое относиться к этой службе, [были – О. С.] исключены, с одной стороны, от продвижения по службе, а с другой, исключен от взимания публичных и частных долгов у православных христиан) [9, с. 360–361 (СЖ 1:5:12)].

(разрешенной религией – О. С.)², евреи теперь были приравнены к вероотступникам – врагам империи и ортодоксальной церкви.

Тем не менее, в законодательных памятниках можно найти свидетельства, что выступая против всех, кто не придерживается «истинной» веры, Юстиниан проводил существенные градации в отношении различных сект и вероучений. Поэтому установление и анализ принятых во время правления Юстиниана постановлений относительно иудаизма и его последователей представляет особый интерес для исследования.

Основной источник нашего исследования – законы о евреях и иудаизме из Кодекса Юстиниана и Новелл, входящих в состав *Corpus juris civilis*, универсальный памятник кодификации римского права. Сохранившаяся до наших дней окончательная версия Кодекса Юстиниана включает в себя 37 законов (38 текстов), которые касаются евреев и их религии. Большинство из них, а именно 25 текстов, были взяты из Кодекса Феодосия. Непосредственное отношение к иудаизму имеют три текста Дигест авторства Модестина и Ульпиана. Из сохранившихся 180-ти текстов Новелл – законодательской деятельности Юстиниана с 534 по 565 год, 5 касаются темы иудаизма.

В нашем исследовании мы ссылаемся на тексты римских законов, опубликованные на языке оригинала с параллельным английским переводом в монографии «Евреи в римском императорском законодательстве» американского профессора истории Амнона Линдера [1]. Исследователь снабдил тексты законодательных источников ценным комментарием, в котором осветил особенности каждого закона в его историческом контексте, рамки и продолжительность юридической силы. Кроме этого, все приведенные юридические тексты снабжены репрезентативными библиографиями.

Эпоху правления Юстиниана лучше всего представил выдающийся французский медиевист Шарль Диль (1859–1944). Его труд «Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке», впервые опубликованный в 1901 году, поныне является хрестоматийным для отечественных и зарубежных византинистов [2]. Исключительное рвение Юстиниана в установлении единой «истинной» веры, Ш. Диль объясняет абсолютистским характером правления Юстиниана, для которого церковь была инструментом неограниченного контроля над всеми делами империи. Именно отсюда следует откровенная враждебность Юстиниана ко всему неортодоксальному населению государства. Историк также замечает, что религиозная и политическая ситуации заставляли императора проводить различную политику в отношении различных сект и вероучений. Ш. Диль рассматривает политику Юстиниана в отношении евреев поверхностно и связывает ухудшение статуса последних с последствиями самаритянского восстания.

Среди исследователей, которые особое внимание уделили особенностям правового статуса евреев в законодательстве времени правления Юстиниана, стоит назвать А. Г. Грушевого, Э. Шарфа и К. Брюэр.

² Широко распространенное в научных работах словосочетание «*religiollicita*» не являлось юридическим термином римского законодательства в строгом смысле слова [3, с. 33, прим. 20].

Александр Гаврилович Грушевой в своей работе «Иудеи и иудаизм в истории Римской республики и Римской империи» отмечает решающее воздействие христианизации империи на постепенное ухудшение правового статуса евреев и иудаизма [1]. Отдельная глава этой монографии «Иудеи и иудаизм в законодательстве Юстиниана» непосредственно касается политики Юстиниана в отношении евреев и их религии. А. Г. Грушевой приходит к выводу, что при окончательной кодификации римского права антиеврейское законодательство прошлых веков было подтверждено в более жестких формулировках. Сравнительно небольшое количество законов, изданных в период правления Юстиниана, нужно рассматривать как свидетельство углубления политики «ограждения» христианского государства от евреев.

Историк Эндрю Шарф не согласен с утверждением, что цель антиеврейского законодательства Юстиниана состояла в искоренении иудаизма [10]. Исследователь связывает издание строгих законов императора в отношении евреев с политическими событиями, в частности, их поддержкой остготов и вандалов в период отвоевания Италии и Африки.

Английская исследовательница Кэтрин Брюэр утверждает, что линия законодательства Юстиниана в отношении евреев и иудаизма не привела к значительному ухудшению их правового статуса [5]. Новый класс неблагоприятных законов, к которому принадлежит постановление о запрете владения евреями рабами–христианами, можно интерпретировать в контексте протекции статуса христиан, а не антииудейской политики.

Как видим, исследователи обращают внимание на отдельные аспекты политики Юстиниана относительно еврейства. Например, Э. Шарф в основном занят политической историей империи и обращается к законодательным источникам лишь от случая к случаю. К. Брюэр, отмечая небольшое количество изменений в законодательстве относительно евреев и иудаизма во время правления Юстиниана, оставляет без внимания политический контекст и изменение характера верховной власти (абсолютизация, приводившая к ужесточению исполнения законов, их формулировок, проникновение во все сферы, особый акцент на религиозной политике).

В этой статье мы предпримем попытку установить и проанализировать изменения в законодательстве империи относительно евреев и иудаизма привнесенные во время правления Юстиниана. Изучение законодательных источников не дает возможности установить уровень исполнения постановлений Юстиниана, но позволяет определить место, отведенное императором для религии евреев в общей градации различных сект и вероучений.

Для достижения поставленной задачи нам необходимо обратиться к эволюции правового статуса евреев и иудаизма в римском законодательстве II–V ст.

Постановления языческого законодательства, которые позже были законсервированы с некоторыми изменениями в *Corpus juris civilis*, определяли правовой статус евреев в государстве и установили существенный уровень религиозной терпимости. Важнейшие из них были приняты на этапе правления династии Северов

(193–235 гг.), периода максимальной интеграция евреев и римского языческого государства. Допуск евреев к римскому гражданству в 212 г. объединил их с общей массой подданных империи [1, с. 7]. Другой закон, датированный началом III ст., позволил евреям исполнять обязанности магистратов без профанации предписаний иудаизма [9, с. 104 (Dig. 50:2:3:3)].

Ситуация, в которой последователи иудаизма были абсолютно полноценными гражданами империи начала меняться в конце IV в. в связи с укреплением христианства в качестве имперской религии. Несмотря на официальное признание законности функционирования иудаизма, законодательство христианского периода демонстрирует углубление политики отстранения евреев от всех благ общественной жизни империи.

Прежде всего, стоит отметить изменения в юридической терминологии идентификации иудаизма. До 416 г. законодательство в равной степени обозначало еврейскую религию терминами «*religio*» и «*superstitio*» [9, с. 57–58]. Более объективный термин «*religio*» применялся в законах с положительной коннотацией относительно еврейства, тогда как уничижительный термин «*superstitio*» использовался враждебно настроенным законодательством. С 416 г. имперская канцелярия употребляет термин «*religio*» исключительно для обозначения христианской религии и начинает применять «*superstitio*» только для обозначения евреев, язычников и определенных еретических сект. Негативный смысл термина «*superstitio*» усиливался благодаря приложению к нему в качестве определений различных уничижающих эпитетов.

По отношению к евреям в правовых документах применялся и другой термин – «*secta*», который изначально обозначал философскую школу или группу людей с определенным набором традиций, обычаев, мнений. Тем не менее, когда канцелярия применяла его для идентификации евреев, он заключал в себе очевидные религиозные коннотации [9, с. 58–60]. Константин был первым законодателем, который определил еврейскую «секту» как «*feralis*» [губительная, смертоносная – О. С.] и «*nefaria*» [нечестивая, преступная – О. С.] [9, с. 126 (CTh 16:8:1)].

В последние годы IV в. – первой половине V в. была принята целая серия законов, направленных на постепенное исключение евреев из общественной жизни. Третья Новелла Феодосия II, изданная в 438 г., не вводила инноваций по отношению к евреям и самаритянам, а только повторяла запреты прежнего законодательства [9, с. 226–232 (Theodosius II, Novellae No. 3)]:

– запрет на службу в имперской администрации и занятие высоких постов в муниципальном управлении. Разрешение исполнять обязанности декурионов и когорталов¹;

– запрет на строительство новых синагог и разрешение восстанавливать и обновлять уже существующее²;

¹ Повторение законодательства 418–425 гг. См.: CTh 16:8:24; CTh 16:5:62; CTh 16:5:63; CTh 16:2:46; CTh 16:2:47; CTh 16:5:64. [9, с. 309–311].

² Повторение законодательства 415–423 гг. См.: CTh 16:8:22; CTh 16:8:27; 1 CTh 6:10:23; CTh 16:10:24; CTh 16:5:60. [9, с. 269–270, 297–299].

– запрет добровольного или принудительного прозелитизма рабов и свободных граждан¹.

Неоднократное повторение этих тем законодательства свидетельствует о том, что на момент промюльгации Третьей Новеллы Феодосия II эти предписания фактически не исполнялись.

В результате политической нестабильности в государстве и внутренней борьбы различных направлений христианства в середине V века, центральная власть почти на сто лет «забыла» о евреях. С 438 года и до начала правления Юстиниана в 527 году, в империи не было принято ни одного анти-иудейского закона.

Масштабная кодификация огромной и разнородной массы законодательных памятников под руководством Юстиниана, не могла не затронуть проблем евреев и иудаизма.

В Кодексе Юстиниана и Дигестах без существенных изменений были восстановлены принципы, которые обеспечивали протекцию государства иудаизму. Протекция касалась защиты собственности евреев и права на исполнение практик иудаизма. Законодательство Юстиниана подтвердило право евреев не являться в суд по субботам или в другие праздничные дни, право на обрезание и принцип, согласно которому евреи были освобождены от занятия тех должностей государственной службы, которые могли привести к профанации предписаний иудаизма [9, с. 100 (Dig.48:8:11), с. 104 (Dig., 50:2:3:3), с. 112 (Dig. 27:1:15:6)].

В Кодексе Юстиниана помещен закон от 420 г., который утвердил, что евреи не должны подвергаться преследованиям за свою религию и не должны «их синагоги и жилища быть повально сожженными, [потому что] неправомерно наносить ущерб без всякой причины» [9, с. 285 (CJ 1:9:14)]. Важно отметить уменьшение размера взыскания за это правонарушение. Если в законе от 420 г. компенсация состояла из трех или четырех стоимостей награбленного, то редакторы Юстиниана сократили ее к двойной стоимости незаконно присвоенного имущества [9, с. 299 (CTh 16:10:24), с. 300 (CJ 1:11:6)]. А. Линдер предположил, что неоднократное повторение законодательства о неправомерности атак на синагоги в предыдущий период, может указывать на трудности в исполнении этих постановлений. Поэтому сокращение размера компенсации за разрушение имущества евреев могло быть осуществлено для возможности обеспечить соблюдения этого закона местными властями [9, с. 74].

Также Кодекс Юстиниана подтвердил существенный контраст в уровне наказания евреев и христиан за правонарушение подобного рода, установленный предыдущим законодательством. Так, за преследование (избиение камнями и т.п.) новообращенного в христианство еврея со стороны его бывших единомышленников, закон предусматривал наказание в виде сожжения всей еврейской общины [9, с. 61 (CTh 16:8:1; CJ 1:9:3)].

Подавляющее большинство неблагоприятных для иудаизма законов в *Corpus juris civilis* являются повторением и продолжением тем предыдущего анти-еврейского законодательства. Они касаются ограничения для евреев владения рабами-неевреями; запрет на

занятие государственных должностей; запрет на строительство новых синагог.

Запрет на приобретение евреями рабов не-евреев, который обычно сопровождался запретом обрезать последних, часто повторяемая тема законодательства еще со времени правления Константина [9, с. 117 (Introduction to Sententiae Pauli 5:22:3–4)]. Именно в этой области имперское правление проводило самую интенсивную борьбу с прозелитизмом. Рабы евреев, в большей степени, чем браки между евреями и христианами, были стабильным источником новых прозелитов для иудаизма. В тоже время, Галахический закон обязывал евреев обращать рабов в иудаизм, поскольку почти все виды работы в домашнем хозяйстве разрешались исполнять исключительно евреям [9, с. 82]. Также такое обращение считалось в высшей степени похвальным актом.

Однако в законодательстве Юстиниана относительно владения рабами не-евреями присутствует важное нововведение. В законе, изданном между 527 и 534 гг., император впервые запретил евреям не только приобретение, но и владение рабами-ортодоксальными христианами [9, с. 370 (CJ 1.10.2.)]. Этот запрет касался всех рабовладельцев империи, не принадлежавших к ортодоксальной церкви. Теперь они не только теряли такого раба, но и должны были уплатить фиксированное взыскание в пользу казны.

В 534 г. запрет на владение рабами-православными христианами был уточнен [9, с. 379 (CJ 1:3:54(56))]:

- рабы евреев, язычников и еретиков обрели неоспоримым правом обращения в христианство;
- новообращенные рабы находились под протекцией губернаторов провинций и местного духовенства;
- владелец новообращенного раба, впоследствии обращенный в христианство, не мог вернуть право собственности на ранее освобожденного раба.

Поскольку владение рабами-нехристианами не упразднялось, можно заключить, что протекция социального статуса христиан была направлена на обеспечение мощного стимула обращения в христианство. С другой стороны, обретение свободы не всегда было привлекательным выбором для той категории рабов, к которым хорошо относились. Для них быть освобожденным означало «... подвергнуть себя ужасным экономическим условиям» [8, с. 394].

Запрет евреям, самаритянам, язычникам и еретикам занимать должности в государственной администрации, так же как обязанность нести куриальную службу, является другой областью предыдущего законодательства, к которой Юстиниан неоднократно возвращался в течение своего правления. Однако в постановлении Юстиниана и Юстина от 527 г. уже известный запрет сформулирован в чрезвычайно жесткой и подробной форме [9, с. 360–363 (CJ 1:5:12.)]. Применение взысканий с христиан за допущение еретиков к государственным должностям встречается только в формулировке Юстиниана. Стоит отметить, что это постановление имело особенно тяжелые последствия для крупных центров иудаизма, таких, как Тивериада и Сепфорис, где в течение веков в составе городских советов преобладали евреи [1, с. 397].

Следующая категория законов, которая касается синагог, в одном случае не только повторяет

¹ Повторение законодательства 415, 417, 423 pp. См.: CTh 16:8:22; CTh 16:9:4; CTh 16:8:26; CTh 16:9:5; CTh 16:10:22; CTh 16:5:59. [9, с. 269–270, 278, 291–293].

предыдущее законодательство, но и в значительной степени выходит за его пределы.

Кодекс Юстиниана повторил закон от 438 г. о запрете строительства новых синагог и разрешении восстанавливать разрушенные здания [9, с. 329–332 (Theodosius II, 3 Novella No. 3), с. 322–323 (CJ 1:9:18)]. В случае строительства сооружение переходило в собственность христианской церкви. Однако постановление Юстиниана от 535 г. не имеет прецедентов ни в предыдущем, ни в последующем законодательстве империи [9, с. 385–387 (Novellae, No. 37)]. Этот закон, в котором сформулирован ряд ограничений и запретов для евреев, язычников и еретиков, проживающих на территории африканского диоцеза, содержит приказ о принудительном преобразовании синагог в церкви. Сообщение Прокопия Кесарийского свидетельствует о приведении в действие этого постановления в городе Борион (территории современной Ливии) [4, VI, 2 (21)]. Город занимал стратегически важную позицию, занятую берберскими племенами. Они продолжали сопротивляться византийскому правлению даже после поражения вандалов. Исследователь Э. Шарф утверждает, что часть сопротивляющихся берберов была обращена в иудаизм, влияние которого значительно возросло на этой территории в течение V в. [10, с. 34]. Опираясь на эти факты, Э. Шарф дает рациональное объяснение постановлению Юстиниана. Преобразование синагоги в церковь в городе Борион, сопровождаемое обращением местных жителей в христианство, было продиктовано политическими, а не религиозными соображениями, поскольку иудаизм в этой местности воспринимался как соперник в борьбе за влияние на население.

В 545 г. Юстиниан повторил традиционные положения о синагогах, а именно: запрет строительства новых культовых сооружений евреев и разрешение на возобновление уже существующих [9, с. 400–401 (Novellae, No. 131:14)]. Однако степень влияния этих положений на еврейские общины вызывает сомнения. Исследователь Дж. Эванс, опираясь на археологические свидетельства в Палестине, утверждает, что строительство новых синагог продолжалось и в течение VI в. [7, с. 245]. Он объясняет это особенностями распространения и применения законодательства на местах. Ответственность за исполнение законов, касающихся религиозных вопросов, в большинстве случаев вверялась местным церквям. Поскольку в Палестине отдельные селения часто населяли только еврейские общины, они практически не подвергались воздействию имперского законодательства. С другой стороны, следы огня на мозаичных полах и руинах синагоги в Кесареи, Хусифе на горе Кармел и Энгедде, могут быть связаны с политикой насильственного обращения евреев в христианство и свидетельствовать о конфликтах по этому поводу между евреями и государством [1, с. 401–402].

Ряд постановлений Юстиниана всеимперского назначения коснулись внутреннего самоуправления еврейских общин косвенно. К ним стоит отнести Новеллу от 535 г. о запрете «омерзительных супружеств»¹ [6, с. 105–109], а также утверждение государственной

протекции имущественных прав новообращенных из неортодоксальных семей [9, с. 362 (CJ 1:5:12)].

В отношении запрещенных браков примечателен закон локального назначения от 537 г. Постановление содержит значительную уступку в уровне наказания за левират для жителей поселения Синдус и евреев города Тир, и подтверждает непосредственное вмешательство императора во внутреннюю автономию еврейских общин. Юстиниан подчеркнул, что эта привилегия должна быть рассмотрена как исключительная благосклонность, а не отмена оригинального закона [9, с. 391–392 (Novellae, No. 139)].

Следующая категория законов, утвержденных в годы правления Юстиниана, содержит принципиально новые положения в отношении евреев и иудаизма. Они касаются ограничения юридической силы свидетельств евреев в суде против ортодоксальных христиан и права на вмешательство государства во внутренние дела еврейской религии.

Согласно постановлению от 531 г. свидетельства евреев против ортодоксальных христиан в суде лишались юридической силы [9, с. 373–374 (CJ 1:5:21)]. Однако в 537 г. вышеприведенный закон был уточнен [9, с. 394–397 (Novellae No. 45)]. Юстиниан установил, что показания евреев и еретиков против ортодоксальных христиан являются незаконными лишь в тех случаях, если они неблагоприятны для подсудимых. Ограниченный статус евреев в качестве свидетелей в суде был выше статуса самаритян, язычников и определенных еретических сект, чьи показания в суде не принимались ни при каких обстоятельствах. В приведенном законе император также поощрял показания, в том числе от евреев и определенной категории еретиков, в судебных разбирательствах об уклонении от выполнения курialesных обязанностей ортодоксальными христианами. Свое распоряжение Юстиниан обосновывает прагматичным рассуждением: «И поскольку государство, принимающее участие в тяжбе, является православленным, и поскольку главным основанием для этого [распоряжения – О. С.] является дарованное нам от Бога управление им, то те, кто свидетельствует для него [государства – О. С.], свидетельствуют для православия» [9, с. 397 (Novellae No. 45)].

Экономическая и политическая мотивированность религиозной политики императора также продемонстрирована в постановлении от 527 г. [9, с. 360–363 (CJ 1:5:12)]. «Преданным союзникам» [9, с. 362 (CJ 1:5:12)] готам, принадлежащим к арианскому течению христианства, было даровано исключительное для неортодоксального населения право занимать почетные государственные должности.

Следующий закон – Новелла от 553 года, представляет собой беспрецедентный случай прямого вмешательства государства во внутренние дела иудаизма [9, с. 407–410 (Novellae No. 146)]. В преамбуле закона император утверждает, что его постановление является ответом на просьбу представителей еврейских общин принять меры относительно языка богослужения в синагогах, поскольку сами евреи не могут прийти к согласию в этом вопросе.

Новелла утвердила:

– полную свободу в выборе языка проведения богослужения в синагогах;

¹ «Омерзительные браки» – т.е. полигамия, а также запрещенная степень родства между супругами.

– чтение Священного Писания на греческом языке исключительно в традиции Септуагинты или в переводе Аквилы;

– запрет еврейским религиозным властям взимать штраф и отлучать от общины тех, кто пользуется правом свободы выбора языка для богослужения;

– запрет на использование Мишны, «поскольку она не включена в Святые книги, также она не была передана с небес через пророков, но является выдумкой людей, порожденной их болтовней...»;

– запрет учения, отвергающего догматы о воскресении, Страшном суде и божественной природе ангелов;

– физическое наказание, конфискация имущества и ссылка в случае нарушения настоящего постановления.

Предписание об обязательном использовании традиции Септуагинты и перевода Аквилы, а также запрет на чтение Мишны, можно объяснить следующим образом. Законодатель надеется, что получив «правильное» знание библейского текста, евреи смогут осознать истинность христианства. К. Брюэр отмечает, что использование греческого перевода Библии в синагогах не было новым и разрешалось раввинами [5, с. 134]. Также в Талмуде отмечена вера в воскресенье из мертвых. Судя по всему, эти меры были направлены против самаритян и неортодоксальной категории евреев.

Можно констатировать, что вмешательство Юстиниана во внутренние дела иудаизма является скорее символическим, а не практическим жестом, целью которого было утверждение примата ортодоксального христианства. Так, ссылки на диспут среди евреев в преамбуле закона подчеркивает, что евреи могут самостоятельно решить внутренние вопросы своей религии, и выводит на первый план их неполноценность и зависимость от христианского государства. Учитывая отсутствие информации относительно реализации этого закона, а также принимая во внимание аргументы Дж. Эванса о проблеме приведения в действие императорских постановлений на местах [7, с. 245], разумно предположить, что этот приказ также не произвел никакого влияния на большое количество еврейских общин. С другой стороны, закон, призванный регулировать внутренние дела еврейской религии, подтвердил легитимность функционирования иудаизма.

Итак, законодательное творчество Юстиниана относительно иудаизма и правового статуса евреев можно разделить на три группы. Первая представляет собой возобновление традиционной протекции практик иудаизма; вторая – подтверждение и продолжение тем уже существующего антиеврейского законодательства; третья категория законов содержит принципиально новые положения.

Учитывая вышесказанное, мы утверждаем, что законодательство Юстиниана относительно правового статуса евреев и иудаизма в своем большинстве было повторением и продолжением постановлений предыдущих императоров. Корректирование старых и внедрение новых мер, были обусловлены общеимперской политикой императора относительно всего неортодоксального населения государства.

Новым в законодательстве императора является окончательное оформление тенденции предыдущего законодательства – сочетание правовых действий сторон с их религиозной принадлежностью при

проведении судебных тяжб, даже если дело не обладает выраженной религиозной коннотацией. Что касается известного постановления Юстиниана о преобразовании существующих синагог в церкви, то оно была направлено исключительно на африканский диоцез. Этот правовой прецедент был обусловлен политическими событиями на этой территории. Беспрецедентный случай вмешательства императора в практики иудаизма (выбор языка для чтения Священного Писания, запрет использования Мишны и др.) свидетельствует о стремлении Юстиниана подчеркнуть неполноценность еврейской религии, ее зависимость от христианского государства. С другой стороны, это постановление было призвано направить евреев к библейской экзегезе, соответствующей христианской традиции. Также этот закон отражает утверждение универсальности римского права, единственным источником которого в период единовластия был император. Поскольку теоретически нет ни одной сферы, которая бы выходила за пределы имперского законодательства, когда император мог издавать законы относительно христианских доктрин, вмешательство во внутренние дела еврейской религии закономерно. В градации различных сект и вероучений для иудаизма было определено особенное место: он не рассматривался как равноправный христианству, но и не был отнесен к категории бесправной группы сект.

Список использованных источников

1. Грушевой А. Г. Иудеи и иудаизм в истории Римской республики и Римской империи / А. Г. Грушевой. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 484 с.
2. Диль Ш. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке / Шарль Диль. Пер. з фр. – СПб.: Тип. Альтшулера, 1908. – 687 с.
3. Левинская И. А. Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры / И. А. Левинская. – СПб.: Издательство «Logos», 2000. – 352 с.
4. Прокопий Кесарийский. О постройках // Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. Пер. П. С. Кондратьев. – М.: Арктос, 1996. – 167 с.
5. Brewer C. The Status of the Jews in Roman Legislation: the Reign of Justinian 527–565 CE // *European Judaism: A Journal for the New Europe*. – 2005. – Т.38. – №2. – P.127–139.
6. Corpus Juris Civilis [Электронный ресурс] // *Novellae recognovit R. Shoell, absolvit Guilelmus Kroll*. – Ed. VI, Vol.3. – Berolini, 1959. – Apud Weidmannos. – Режим доступа: http://www.koeblergerhard.de/Fontes/Novellae_CorpusJurisCivilisSchoell1959.pdf (дата обращения: 02.03.2016). – Название с экрана.
7. Evans J. A. S. The Age of Justinian: The Circumstances of Imperial Power / James Allan S. Evans. – London: Routledge, 2002. – 360 p.
8. Feldman L. H. Jew and Gentile in the Ancient World: Attitudes and Interactions from Alexander to Justinian / Louis H. Feldman. – Princeton: Princeton University Press, 1996. – 679 p.
9. Linder A. The Jews in Roman Imperial Legislation / Amnon Linder. – Detroit: Wayne State University Press, 1987. – 436 p.
10. Sharf A. Byzantine Jewry: from Justinian to the Fourth Crusade / Sharf Andrew. – London: Routledge and Kegan Paul, 1971. – 239 p.

References

1. Grushevoj A. G. Iudei i iudaizm v istorii Rimskoj respubliki i Rimskoj imperii / A. G. Grushevoj. – SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2008. – 484 s.
2. Dil' Sh. Justinian i Vizantijskaja civilizacija v VI veke / Sharl' Dil'. Per. Z fr. – SPb.: Tip. Al'tshulera, 1908. – 687 s.
3. Levinskaja I. A. Dejanija Apostolov na fone evrejskoj diaspory / I. A. Levinskaja. – SPb.: Izdatel'stvo «Logos», 2000. – 352 s.
4. Prokopij Kesarijskij. O postrojках // Prokopij Kesarijskij. Vojna s gotami. O postrojках. Per. P. S. Kondrat'ev. – M.: Arktos, 1996. – 167 s.

5. Brewer C. The Status of the Jews in Roman Legislation: the Reign of Justinian 527–565 CE // *European Judaism: A Journal for the New Europe*. – 2005. – Т.38. – №2. – P.127–139.

6. *Corpus Juris Civilis [Elektronnyj resurs] // Novellae resognovit R. Shoell, absolvit Guilelmus Kroll. – Ed. VI, Vol.3. – Berolini, 1959. – Apud Weidmannos. – Rezhim dostupa: http://www.koeblergerhard.de/Fontes/Novellae_CorpusJurisCivilisSchoell1959.pdf (data obrashhenija: 02.03.2016).* – Названіе s jekrana.

7. Evans J. A. S. *The Age of Justinian: The Circumstances of Imperial Power* / James Allan S. Evans. – London: Routledge, 2002. – 360 p.

8. Feldman L. H. *Jew and Gentile in the Ancient World: Attitudes and Interactions from Alexander to Justinian* / Louis H. Feldman. – Princeton: Princeton University Press, 1996. – 679 p.

9. Linder A. *The Jews in Roman Imperial Legislation* / Amnon Linder. – Detroit: Wayne State University Press, 1987. – 436 p.

10. Sharf A. *Byzantine Jewry: from Justinian to the Fourth Crusade* / Sharf Andrew. – London: Routledge and Kegan Paul, 1971. – 239 p.

Stebelyak O. V., student, History department, Odessa Mechnikova National University (Ukraine, Odessa), olgastblk@gmail.com

Jews and Judaism in the legislation of Justinian

The role of Justinian's legislation in establishing a model of a new relationship between the Jewish community and the state is examined in the paper. The author makes an attempt to trace the evolution of the legal status of Jews in Roman law on the basis of the oldest survived legislative monuments. The study of legislative sources does not provide an opportunity to establish the level of execution of Justinian's decrees, but allows us to determine the place allocated by the emperor for the religion of Jews in the general gradation of various sects and creeds. The study established fundamentally new elements in the lawmaking of Justinian on Judaism, and it is also stated that the emperor's legislation on Jews and their religion was mostly a repetition of the decrees of the previous period.

Keywords: Justinian I, Roman Law, *Corpus juris civilis*, Religious Policy, anti-Jewish legislation, Jews, Judaism.

Стебеляк О. В., студентка історичного факультету, Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова (Україна, Одеса), olgastblk@gmail.com

Євреї і юдаїзм в законодавстві Юстиніана

Досліджується роль законодавства Юстиніана у встановленні нової моделі взаємовідносин між єврейською громадою і державою. Автор робить спробу простежити еволюцію правового статусу євреїв в римському законодавстві, опираючись на збережені до наших днів законодавчі пам'ятки. Вивчення законодавчих джерел не дає можливості встановити рівень виконання постанов, але дозволяє визначити місце, відведене імператором для релігії євреїв в загальній градації сект і віровчень. В дослідженні встановлено принципово нові елементи в законотворчості Юстиніана стосовно юдаїзму, а також констатується, що законодавство імператора щодо євреїв та їхньої релігії в своїй більшості було повторенням постанов попереднього періоду.

Ключові слова: Юстиніан I, римське право, *Corpus juris civilis*, антиєврейське законодавство, релігійна політика, євреї, юдаїзм.

* * *

УДК 94(477)

Сіницький А. Ц., кандидат історичних наук, доцент кафедри суспільних наук, Житомирський національний агроєкологічний університет (Україна, Житомир), sinickiy18@gmail.com

Вплив Люблінської унії 1569 р. на інкорпорацію політичною системою Польщі української князівсько-шляхетської еліти (ІСТОРИОГРАФІЧНІ ПІДХОДИ)

Досліджено проблему ставлення української шляхти Волині, Київщини, Брацлавщини і Підляччя на політико-правові заходи Корони Польської щодо її інкорпорації до польського політичного простору.

Метою статті ми означили б короткий огляд цивілізаційних зрушень, що принесла з собою на українські землі Люблінська унія і наше бачення наслідків цих зрушень у середовищі вітчизняної політичної еліти.

Використані: історіографічний підхід; порівняльний, описовий та аналітичний методи дослідження з використанням історіографічних джерел та архівних матеріалів.

Акцентовано увагу на кількох підходах польської та вітчизняної історичної науки до оцінки наслідків Люблінської унії 1569 р.; а також на те, що проблема об'єктивної оцінки цих наслідків для подальшої долі України залишається дискусійною. Охарактеризовані причини загалом позитивного ставлення української політичної еліти до процесів швидкої асиміляції з елітами Польщі. Показані кроки польської влади щодо надання уніям та інкорпоративним процесам в Україні привабливих для місцевої еліти рис: зрівняння в правах з польською нобілітетом, збереження привілеїв національних особливостей тощо.

Зроблено висновки щодо історичних наслідків унійних процесів та необхідності подальшої роботи українських і польських істориків по виробленню спільної позиції з даної проблеми.

Ключові слова: шляхта, українські князі, Річ Посполита, інкорпорація, асиміляція, колонізація.

Останнім часом в українській і польській історіографії знову піднімається питання наукового переосмислення спільних сторінок історії наших народів, у зв'язку з чим активізувалася тема оцінки політичних наслідків Люблінської унії 1569 р. між Польщею і Литвою, яка докорінним чином змінила положення українських земель у новій конфедеративній державі – Речі Посполитій.

У зв'язку з цим постає важливе питання сприйняття унії українською князівсько-шляхетською верствою та реакція цієї привілейованої маси людей на різке посилення інкорпоративних, асимілятивних по суті, зусиль польської влади по відношенню до «кресових» (українських) територій.

З огляду на доволі велику кількість публікацій і іноді полярних думок, що супроводжують означену проблематику вже протягом століття, наукова спільнота мала б виробити принаймні дві національні позиції з даного питання. Однак воно залишається дискусійним, хоча і децю толерантнішим і зваженим по формі.

Метою статті ми означили б короткий огляд цивілізаційних зрушень, що принесла з собою на українські землі Люблінська унія і наше бачення наслідків цих зрушень у середовищі вітчизняної політичної еліти.

Матеріали і методи. Використані: історіографічний підхід; порівняльний, описовий та аналітичний методи дослідження з використанням історіографічних джерел та архівних матеріалів.

Стан розробки теми. Обраній проблемі присвячена доволі велика література авторства українських, білоруських, литовських і польських істориків і цілих наукових шкіл. Слід згадати, передусім, праці Краківської школи істориків-консерваторів другої половини XIX ст. М. Бобжинського, О. Галецького, Ю. Шуйського та ін., які обстоювали думку про виключно позитивний вплив Люблінської унії, яка принесла на «запустілі і відсталі Кресові території» європейську цивілізацію. Їм протистояли на той час українські історики школи В. Антоновича, М. Грушевського, які сприймали унію та її наслідки різко негативно. Д. Дорошенко, Н. Полонська-Василенко та інші історики-«державники» передвоєнної доби в цілому підтримували їхні погляди.

У наш час і польські, і українські дослідники (А. Суліма-Камінський, В. Кульчицький, Я. Пеленський, І. Мельничук, Н. Яковенко та ін.) пропонують більш виважений і толерантний підхід до історичної оцінки наслідків Люблінської унії на Україну в цілому і її політичну еліту, зокрема.

Інкорпорувавши українські землі до складу своєї держави, польська еліта зробила все можливе, щоб